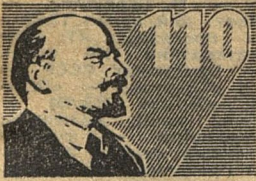

СТРАНИЦЫ ЛЕНИНИАНЫ

В СЕРДЦЕ МОЕМ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

У каждого советского поэта есть своя, пусть маленькая, Ленинина. Есть она и у меня.

Не вспомнить теперь, когда начался путь к Ленину. Может быть, первоначально это были знаменитые строки Николая Тихонова из поэмы «Самн», которую в своем довоенном детстве я знал наизусть. А может быть, и что-то еще более раннее — рассказы моего деда Андрея Петровича Кузнецова, причастного и к революции, и к гражданской войне... Сейчас уже в точности не установить, но факт остается фактом: сколько помню себя, столько и знаю, столько и всматриваюсь во Владимира Ильича и на каждом этапе жизни, особенно на острых переломах ее, открываю в этом немеркнушем образе что-то новое, такое нужное и помогающее жить.

Помню трудную, бесхлебную весну 1947 года. Еще по существу не вернувшись из эвакуации, семья наша волей судеб оказалась на станции Чуфарово Ульяновской области. Мама работала врачом в пристанционной поликлинике и по делам службы часто бывала в Ульяновске. Однажды она взяла меня с собой. До сих пор помню то волнение, которое испытал, побывав в доме-музее Ленина... Я заново шагнул в детство и отрочество Ильича, такое реально ощущаемое, близкое и понятное.

Мне в ту пору было четырнадцать лет, я всюю рифмовал, но, помню, как споткнулся, когда попытался выразить волнение, охватившее меня в ленинском доме. Просто, как чувствовалось, не получалось, а высренней фальши сердце вынести не могло... Из целого цикла тех отроческих стихотворений о встрече с Ульяновском, родины Ленина, не осталось ни строчки.

Надо было внутренне и страданно пройти великую школу Маяковского, сердцем воспринять его поэтический темперамент и светоносность ленинской всепроникающей правды, чтобы как-то, пусть и робко, попробовать выразить себя. Но это случилось позже, когда, перебравшись из Ульяновска в Казань, я учился в летной школе.

И снова рядом ленинская Волга, каждый день хожу я, как на свидание, в Казанский университет, где учатся мои друзья и где, кажется, до сих пор раздаются голос и шаги Володи Ульянова, и совсем близко уже Ленинград, где ждет меня учеба, где будет вся моя жизнь, вся судьба.

По юношеской неопытности я опубликовал многие свои стихи, которым самое место быть бы в архиве. Неумелость их оправдать можно, пожалуй, только искренностью и мальчишеской влюбленностью в жизнь. Это и строки о заре

над Ульяновском, и стихи о ленинском броневике и «Авроре». Привести их сейчас, как говорится, к слову, просто не осмелюсь. Пусть они останутся в своем времени, в тех далеких годах.

Но какими бы наивными мы ни бывали в отрочестве ли, в юности ли, годы не проходят бесследно. Что-то необязательное уходит навсегда, а главное в нас остается. И не просто остается, а со временем растет, развивается, крепнет.

Окончив учебу, я поехал работать в Арктику, ледяную страну, о которой мечтал, как и миллионы других мальчишек, с детства. В ту пору — а было это уже в 1956 году — я был автором двух поэтических книг, только что принятый в Союз писателей СССР. Помню свою первую зимовку в тундре под Воркутой, но особенно помню встречу с Ледовитым океаном.

Наш самолет приземлился в Амдерме. Начиналась пурга, и было объявлено штормовое предупреждение. Но мог ли я отсиживаться в ледной гостинице, когда вот оно рядом, студеное Карское море!

Выбежал на крутой скалистый берег — и тут в легких крыльях налетевшей пурги увидел... Ленина! Он стоял, как живой, на ледяном берегу полярного океана и зорко всматривался вдаль.

От таких потрясений и прихотят стихи.

ЛЕНИН У КАРСКОГО МОРЯ

Слышал я,
будто здесь он не был,
не ложились его следы
под бесесым и низким небом
на снега
и вечные льды.
Я, пожалуй,

не стал бы спорить,
если б лично

не повстречал
у застывшего Карского моря
на крутом берегу

Ильича.

Он стоял, —
взгляд спокоен и светел,
билась вьюга,

скуля, вереща,
и откинул бешеный ветер
полы наменного плаща!
...Этот путь был долго

и труден,
но на край полярной земли
образ Ленина

сильные люди
в молодых сердцах донесли.

Если верна моя мысль, что у каждого поэта есть своя Ленинина, то моя начинается с этого стихотворения. Оно написано тогда же, в апреле 1957 года, в Амдерме, но и сегодня я числю его в своем поэтическом активе.

Потом были и другие ленинские стихи.

Тут должен сделать существенную оговорку. Я принципиально против легкости в обращении с ленинской темой. Так называемая «мода» вообще отвратительна в поэзии. Но особенно непростительно, когда поэт прикасается к ленинской теме без должного к тому внутреннего повода. К сожалению, так бывает, и остается уповать только на то, что всеильное время без жалости сотрет строки, написанные не по зову сердца.

За тридцать лет работы в поэзии я написал пять или шесть стихотворений, которые и составляют мою Ленинину.

В 1960 году, уже в который раз в своей жизни стоя в живой очереди к Ильичу в Мавзолей, я вдруг совершенно реально ощутил, что ведь все мы, стоящие сейчас на главной площади страны, не кто иные, как те же ходоки, о которых написано столько стихов!

Снаряжали их всей деревней
бабы, дети и старики,
и шагали по дынной,
по древней,
по российской земле
ходоки.
Необутые,
стили в сугробах,
топли в реках,

попав в ледоход...

Мужики
не забудут до гроба
этот путь

до кремлевских ворот.
И пошло поверье
по нивам,
где соху теснили плуги:
видел Ленина —

значит, счастливый,
значит, в горе другим

помоги.

И вот, ощутив себя холоком к Ленину уже в наше, новое время, прямо там, на Красной площади, записал карандашом в блокнот:

Подступая к ступеням
потопом,

эти —
всей Земли! —

ходоки

здесь сливаются
мощным потоком,
точно в устье
великой реки.

И, плечом касаясь
друг друга,

вдруг увидят
и немец,
и швед,
что не кровь

на штыхах у внуков,
а рубиновый
звездный свет.

Так родился набросок «Ходоков».

И еще одно свое ленинское стихотворение я хотел бы вспомнить сегодня. Называется оно «Глаза Ленина».

Есть такой ленинский портрет: Ленин строг, даже несколько сердит, глаза устремлены прямо на нас. Глаза, которые не могут не потрясти. Смотрят вглубь они —

в наши души

из оплавленных,
памянных лет.

Ты почаще гляди в них,
и слушай —

он как музыка —
ленинский свет!..

Сколько правды,
добра

и прозренья,
озаренья,

живого огня!...

Сколько ненависти
и презренья

к тем, кто застит
сияние дня.

Скорбь провалов
и боль конспираций,
тень сомнений

и взлет мечты,
судьбы всех континентов

и наций,
свет грядущего —

видишь ты?..

Кровь и пот,
разруха,
комбеда,
все невзгоды и муки Земли,
отступленья,

потери

и беды —
черным крестом
в зрачках залегли.
Никакая беда не затмила,
не размыла ничья слеза...
Не зрачки —
биография мира.

Суть эпохи —
эти глаза.

Вячеслав КУЗНЕЦОВ